

УДК [1:81'42]:821.161.1

ПОНЯТИЕ «ЖИЗНЬ» В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Б.Л. ПАСТЕРНАКА

О.Д. Тихоненко

Представлен обзор работ русских философов XX в. с целью выявления идейного пространства понятия «жизнь», рассматриваются факторы, повлиявшие на становление Б.Л. Пастернака как личности, а также выводится видение понятия «жизнь» писателем на основе его биографической прозы.

Ключевые слова: понятие «жизнь»; философское понимание; авторское понимание; тип языковой личности.

CONCEPT OF "LIFE" IN TERMS OF RUSSIAN PHILOSOPHY AND B.L. PASTERNAK'S PHILOSOPHICAL CONCEPTION

O.D. Tihonenko

The text contains the survey of works of the 20th centuries' Russian philosophers in order to get the sense of "life" by looking at the facts that had an influence on the mind of B.L. Pasternak in person, and based on his biographical proses, the concept "life" is to be got in touch with thus understood.

Key words: concept "life"; philosophical understanding; author's comprehension; type of linguistic personality.

Данная статья преследует несколько целей: 1) исследовать и систематизировать рассуждения философов о том, что есть жизнь; 2) изучить биографию Б.Л. Пастернака, на основе чего выявить факторы, повлиявшие на становление языковой личности писателя; 3) изучить биографическую прозу писателя («Охранная грамота», «Люди и положения», переписка с современниками), которая позволит определить тип языковой личности и выделить авторское видение понятия «жизнь».

В конце XIX – начале XX вв. существовало философское направление, называвшееся «философия жизни». В рамках данного течения работали такие мыслители, как Дильтей, Ницше, Зиммель, Бергсон, Степун, Ортега-и-Гассет и др. [1]. Каждый философ имел собственную трактовку понятия «жизнь», однако их рассуждения имели общее основание: «жизнь представляет собой первичную реальность и исходный пункт всякого подлинного философствования» [1, с. 185].

В.Г. Борзенков выводит три основных значения понятия «жизнь» из работ авторов «философии жизни»: а) «жизнь как данность непосредственного переживания, составляющего содержание душевно-психических процессов каждого человека;

б) жизнь как целостная «жизнь духа», выражающая себя в продуктах культурно-исторического творчества человеческого рода; в) жизнь как творческая космически-метафизическая субстанция, непрерывно порождающая все новое и новое разнообразие предметов и явлений мира» [1, с. 185].

Понятие «жизнь» является очень емким и сложным. Конечно, взять в качестве рабочего какое-то из определений трудно, потому что каждое из них верно с определенной точки зрения. Так как нас интересует видение понятия «жизнь» у русского писателя XX века Б.Л. Пастернака, то правильнее будет обратиться к работам русских философов данного временного отрезка, таких, как Н.А. Бердяев, В. Соловьев, С.Н. Булгаков, М.М. Бахтин, М. Мамардашвили и др.

М. Мамардашвили рассуждал так: «...Нужно совершать усилие, чтобы оставаться живым» [2]. Философ имел в виду, что вечной спутницей жизни является смерть (не в прямом смысле, а как нечто затвердевшее). Не все живое, что вокруг нас. «Многое из того, что мы испытываем, что мы думаем и делаем, – мертво. <...> Мертво, потому что – это не твое подлинное, собственное чувство, а стереотипное, стандартное, не то, которое ты ис-

пытываешь сам» [2]. Мертвое является частью нашей жизни. По мнению М. Мамардашвили, жизнь наполнена «мертвыми отходами», «мертвыми продуктами повседневной жизни». Они зачастую не оставляют места для истинной, «подлинной жизни». Человек только благодаря своему «обостренному чувству сознания» может отделить живое от мертвого. Философ утверждает, что такой «внутренний акт», т. е. духовная напряженная работа, сопровождающаяся желанием жить (по Мамардашвили, желание есть мотив жизни), позволяет человеку обрести подлинную жизнь. Однако «самая большая трагедия человека – когда он не знает, каково его действительное положение» [2]. Похожая мысль прослеживается в работах русского философа и богослова С.Н. Булгакова. Он считал, что «жизнь не разгадывается умом, а лишь переживается как тайна бытия, как единство логического и алогического» [3]. То есть понять, что есть жизнь, каково место и предназначение в жизни человеку очень трудно. Жизнь порой логична, но иногда ее сложно объяснить, поэтому человек не в силах четко обозначить принципы жизни.

Основная мысль сочинений Н.А. Бердяева состоит в том, что сознание русского человека основано на христианстве и обосновано им. «Миссия России быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия. Это призвание религиозное. «Русские» определяются «православием»» [4, с. 10].

В.С. Соловьев, сторонник учения о богочеловеке, высказывал похожую мысль: «Личность человеческая – и не личность человеческая вообще, не отвлеченное понятие, а действительное, живое лицо, каждый отдельный человек – имеет безусловное, божественное значение» [5, с. 20]. В этом утверждении сходится христианство с современной мирской цивилизацией. Философу казалось, что русский человек впитывает в себя христианские законы и живет, руководствуясь ими. Таким путем человек взаимодействует с Богом.

Такая основа русского народа определяет его главные качества: тягу к свободе, странничество, поиск правды, стремление к идеалу, соборность, упование на будущее, всеобщее спасение, противоречивость. По утверждению Н.А. Бердяева, «... Россия несет миру, прежде всего – братство людей и свободу духа» [4, с. 188]. Русский человек всегда стремился к свободе. Необъятные просторы России отчасти определяют широту и свободолюбие русской души. Догмы христианства нацеливали русских людей «искать Бога и Божьей правды, искать смысла жизни» [4, с. 218].

«Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника»

[4, с. 236]. Причем эта идея отразилась не только на характере народа, но и проникла в умы интеллигенции. Образы странников встречаются в произведениях Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Толстого и др. Русский человек не удовлетворен настоящим, он стремится к лучшему, к совершенству, к саморазвитию. Изучая философию Л. Толстого, Бердяев пересказывал мысли великого писателя. «Мысль, что нужно прежде всего исправить себя, а не улучшать жизнь других, есть традиционно-православная мысль» [4, с. 158]. Это недовольство настоящим вызывает у человека страдание. Таким образом, человек – «существо противоречивое, в высшей степени неблагоприятное, не только страдающее, но и любящее страдания» (идея Ф.М. Достоевского, пересказанная Н.А. Бердяевым. – *О.Т.*) [4, с. 155].

В религии существует мысль, что жизнь человека – страдание, Бог посылает человеку множество испытаний, и в зависимости от того, как человек пройдет эти испытания, решится его судьба после смерти. «Цель христианской жизни – спасение души. Земная жизнь человека – испытание, на основании которого определяется дальнейшая судьба бессмертной человеческой души» [6, с. 9].

Руководствуясь такой идеей, человек стремится исполнять все благодетельные заповеди, знакомые обществу из Священного писания. Именно следование таким законам делает человека более совершенным. «Истинно русский человек, христианин, по убеждению лучших представителей русского самосознания, полон благоволения ко всему человеческому – к добру, красоте и правде в каждом смертном. Для него нет имен, нет званий и положений, а есть только другая человеческая личность, ищущая правды и добра, заключающая в себе искру Божию, которую следует найти, пробудить, истолковать» [5, с. 287].

Важным качеством русского сознания является соборность. Соборность – «понятие русской философии, означающее свободное духовное единение людей как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви» [7]. Жизнь совершенная, основанная на любви к ближнему, ведет к всеобщему спасению.

Н.А. Бердяев рассуждает о том, что русский народ противоречив. «Россия – <...> страна, лишенная сознания прав личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государством, страна крепкого быта и тяжелой плоти. <...> Россия <...> покорно мирится со своей жизнью. ... Россия все еще остается страной безличного коллектива» [4, с. 237–238]. Философ объясняет противоречивость русской души положением России между Востоком и Западом, борьбой двух начал – восточного и западного. Бердяев видит только один выход

из такой противоречивой ситуации: пробуждение в России светлого мужественного национального начала. Только русская национальная самобытность способна преодолеть инертность русского народа.

Итак, понятие «жизнь» емкое и многогранное, в связи с чем сложно дать его четкое определение. В свете русской философии жить значит проявлять внутреннее усилие, чтобы отделить подлинно живое, лично созданное от «мертвого», нечто затвердевшего, устоявшегося во времени. Антипод жизни – смерть, но смерть не представляет собой небытие, законченность жизни. Смерть – граница, за которой следует жизнь вечная. Человеку часто трудно объяснить жизнь, так как она логична и нелогична.

Русский человек воспринимает жизнь сквозь религиозные традиции. Христианство – основа русской культуры. Главные характеристики жизни русского человека – свободолюбие, неудовлетворенность действительностью, которая выливается в чувство страдания, странничество, поиск правды, смысла жизни, стремление к совершенству, надежда на всеобщее спасение, соборность.

М. Мамардашвили говорил о конечности человеческой жизни и ограниченности его возможностей. Тексты, в которых содержится опыт, жизнь, преломленные через сознание автора, являются дополнением нашей невозможности быть бесконечными. Они помогают нам понять «наше действительное положение» [2]. Текст – это инструмент, который помогает нам «распутать» опыт, понять свою жизнь через чужой опыт.

М.М. Бахтин утверждает, что произведение содержит реакцию автора на те или иные описываемые события. Изучая авторскую оценку в тексте, мы можем составить для себя картину характера не только героя изображаемых явлений, но и выйти на личность самого автора [8]. Сам автор не замечает всех составляющих творчества, он просто создает. Причем для того чтобы воспроизвести в своем произведении действительную жизнь, реальность, по словам М. Мамардашвили, «поэт должен быть достаточно потрясен» [2]. Только душевное потрясение дает возможность автору увидеть настоящую жизнь. Писатель стремится к объективности. Он старается смотреть на себя и своих героев со стороны, чтобы добиться объективности. Читателю также необходимо приложить определенные усилия, чтобы «снять покровы с лица» героев для получения истинного видения автора [8].

По М.М. Бахтину, произведения автора заключают в себе большую биографическую ценность. «Автор-творец поможет нам разобраться и в авторе-человеке, и уже после того приобретут освещающее и восполняющее значение и его высказывания о своем творчестве» [8, с. 15].

Проследим на основе биографических произведений Б.Л. Пастернака «Охранная грамота», «Люди и положения» и его переписки с современниками, какое видение понятия «жизнь» сформировалось у писателя в процессе становления и развития творческой личности автора, совпадает ли оно с общественным.

Видение жизни Б.Л. Пастернака, несомненно, сформировано его окружением, людьми творческими, людьми, принадлежащими к русскому обществу.

Б.Л. Пастернак, вспоминая о своем детстве, говорил, что «многим, если не всем, обязан отцу, академику живописи Леониду Осиповичу Пастернаку, и матери, превосходной пианистке» [9, с. 1]. В доме будущего писателя царила творческая атмосфера. Картины отца и звуки рояля составили основу духовного развития Б.Л. Пастернака. «...Это отношение к жизни, то есть удивление перед тем, как я счастлив и какой подарок – существование, у меня от отца: очарованность действительностью и природой была главным нервом его реализма и технического владения формой...» [9, с. 1]. Е. Пастернак отмечал, что именно творческая манера отца класть в основу произведения воспоминания и дополнять их своим воображением («письмо с натуры»), отразилась на художественном методе Б.Л. Пастернака и вылилась, по словам самого писателя, в «субъективно-биографический реализм» [10, с. 4].

Другой составляющей жизни Б.Л. Пастернака была религия. С христианством его познакомила няня Акулина Гавриловна Михалина. Маленький Борис был крещен ею, но из-за неравного положения евреев в обществе христианство для писателя «оставалось всегда душевной полутайной, предметом редкого и исключительного вдохновения, а отнюдь не спокойной привычкой» [9, с. 1]. В этом Б.Л. Пастернак видел «источник своего своеобразия» в творчестве [9, с. 1].

В доме семьи Пастернаков частыми гостями были художники, музыканты, писатели того времени. Пастернак рос в окружении таких живописцев, как Н.Н. Ге, Репин, Мясоедов, Маковский, Суриков, Поленов, Серов, Левитан, Коровин, Врубель, Иванов.

В очерке «Люди и положения» Б.Л. Пастернак отмечал: «Образ другого, как у большинства, прошел через всю мою жизнь, в особенности потому, что отец иллюстрировал его, ездил к нему, почитал его и что его духом был проникнут весь наш дом. Это был Лев Николаевич» [Толстой. – *О.Т.*] [10, с. 109].

Большое влияние на Б.Л. Пастернака оказал А.Н. Скрябин. Писатель считал его богоподобным композитором. Скрябин увлекался идеями Ницше о сверхчеловеке. Отчасти эти мысли впитал в себя

и Пастернак. «Скрябинские рассуждения о сверхчеловеке были исконной русской тягой к чрезвычайности. Действительно, не только музыке надо быть сверхмузыкой, чтобы что-то значить, но и все на свете должно превосходить себя, чтобы быть собою. Человек, деятельность человека должны заключать элемент бесконечности, придающий явлению определенность, характер» [10, с. 116].

Именно Скрябин посоветовал молодому Пастернаку перевестись с юридического факультета на философское отделение историко-филологического. Таким образом, можно сказать, что Скрябин разглядел в разносторонне развитом мальчике литературный талант.

Еще одной ключевой личностью в жизни Б.Л. Пастернака стал Райнер-Мария Рильке, немецкий поэт и философ. Его Пастернак также боготворил. В переписке с М. Цветаевой Б.Л. Пастернак писал: Рильке – это «кусочек нашей жизни» [11, с. 316]. Как-то случилось так, что произведения Б.Л. Пастернака попали в руки Рильке. Немецкий поэт положительно высказался о них. В своем благодарственном письме к Рильке Б.Л. Пастернак писал: «Я обязан Вам основными чертами моего характера, всем складом духовной жизни. Они созданы Вами. Я говорю с Вами, как говорят о давно прошедшем, которое впоследствии считают истоком всего происходящего, словно оно взяло отсюда свое начало» [11, с. 319].

Б.Л. Пастернак был дважды женат. Но своей настоящей духовной женой он считал М. Цветаеву: «... Ты мое единственное законное небо, и жена до того, до того законная, что в этом слове, от силы, в него нахлынувшей, начинает мне слышаться безумье, ранее никогда в нем не обитавшее» [11, с. 329]. Пастернак и Цветаева никогда не встречались, но их платонический эпистолярный роман, вызванный общими взглядами на определенные темы, конечно, оставил неизгладимый след в жизни писателя.

Начав свое творчество с поэтических опытов, Б.Л. Пастернак много общался с поэтами своей эпохи: А. Блоком, С. Есениным, В. Маяковским, А. Белым, В. Хлебниковым, А. Ахматовой и др. Сам Б.Л. Пастернак называет свои ранние поэтические произведения неумелыми, он искал свой творческий метод. Сначала подражая художественной манере своих современников, он все-таки пришел к своему творческому стилю, к своей индивидуальности. В «Охранной грамоте» Б.Л. Пастернак говорит о том, что он впитал разные поэтические методы и формы, но все они казались ему несовершенными. «Я не люблю своего стиля до 1940 года, отрицаю половину Маяковского, не все мне нравится у Есенина. Мне чужд общий тогдашний распад

форм, оскудение мысли, засоренный и неровный слог. Я не тужу об исчезновении работ порочных и несовершенных» [10, с. 138]. Но Б.Л. Пастернак смог не уподобиться творческим манерам современников, смог найти свое: «Когда явилась «Сестра моя жизнь», в которой нашли выражение совсем не современные стороны поэзии, открывшиеся мне революционным летом, мне стало совершенно безразлично, как называется сила, давшая книгу, потому что она была больше меня и поэтических концепций, которые меня окружали» [10, с. 93].

Выясним, как отражено видение понятия «жизнь» Б.Л. Пастернаком в его биографических произведениях.

Хотя Б.Л. Пастернак является христианином, его концепция жизни не религиозна. Она основана на христианстве, но имеет другое, культурно-светское освещение.

Вслед за философами писатель считал, что жизнь часто видится нам нереальной, она состоит из множества частей-жизней, которые мнимо кажутся нам истинными. В письме к О.М. Фрейдбергу он писал: «Теперь, на этой новой стадии, город, природа, отдельные жизни, которые проходят перед тобой, реальны и отчетливо сознаются тобой только для той функции духа, при помощи которой ты только считаешься так сказать с ними, реальны, пока ты имеешь их ввиду как данные, пока они только даются твоей жизни. Если бы ты захотела, я точно и ясно определил бы реальность как этап лишь» [11, с. 31]. Пастернак считает, что жизнь состоит из «завес», которые не являются действительностью. Человек, проживая свою жизнь, так и не находит реальной жизни. «Я с первых детских дней и до настоящего времени влекся через годы и положенья в постоянной завесе каких-нибудь навязчивых идей, всегда болезненных, всегда истачивающих сердце, всегда противоречащих действительному положенью вещей. Менялись только эти завесы. Жизни, как ее верно постоянно видят другие <...> я никогда не видал и не увижу» [11, с. 386]. Можно сказать, что «завеса» – искажение жизни, неправда жизни.

Наряду с этим, Б.Л. Пастернак говорил: «Я больше всего на свете (и, может быть, это – единственная моя любовь) – люблю правду жизни в том ее виде, какой она на одно мгновение естественно принимает у самого жерла художественных форм, чтобы в следующее же в них исчезнуть» [11, с. 303]. Искусство передает правду жизни, обрамляя ее в художественную форму (близко к концепции М. Мамардашвили).

Узнав о смерти дорогого в духовном плане своей жизни человека, Рильке, писатель говорил: «Я точно оборвался и повис где-то, жизнь поехала

мимо... <...> У меня же все как-то обесцелилось. Теперь давай жить долго, оскорбленно-долго, – это мой и твой долг» [11, с. 396]. Жизнь без цели без дорогих друзей не имеет смысла. Она длинна. Жизнь не в радость. Жизнь дана человеку для того, чтобы он выполнил определенное предназначение в ней. И хотя человек не доволен своим существованием, жить и переживать отпущенное ему – обязанность.

Нужно сказать, что Б.Л. Пастернак считал драгоценным счастьем семью, друзей. «...В этой большой, далеко вглубь прошлого уходящей, еще продолжающейся, заторможенной на десять лет, тяжелой, невыносимой повести, которую мы признаем за нашу жизнь, вы – лучшие, любимейшие, глубочайшие главы» [11, с. 75]. Для Пастернака жизнь – книга, состоящая из множества глав. Жизнь для него длинна и трудна, полна страданий, но светлыми страницами в этой книге являются счастливые минуты, которые он проводит со своими родными. Жизнь – это постоянное чередование страдания и радости.

Страдание – потрясение для человека, оно «отрезвляет», возвращает к действительности. «Удивительно, как поправляет и омолаживает страдание. Я вдруг узнал в глаза свою давно не виденную жизнь» [11, с. 333].

В высказываниях Б.Л. Пастернака, казалось бы, есть противоречие. С одной стороны, он говорит, что невозможно разглядеть реальную жизнь, мы видим ее сквозь завесу идей, с другой стороны, страдание, потрясение помогает нам вернуться к подлинной жизни. Это противоречие, как мы уже видели в работах М. Мамардашвили, свойственно русскому характеру.

Писатель часто бывал неудовлетворен своей жизнью: «Опять это не та жизнь, которую я себе наметил» [11, с. 88–89]. Б.Л. Пастернак был недоволен, что он проживает не ту жизнь, которую запланировал. У него всегда было желание начать свою жизнь заново: «...В общем клубке недовольств, из которых главное – недовольство зря потраченной жизнью и собою, было у меня и раздражение того свойства, что мне опять захотелось сломать и по-новому сложить свою жизнь» [11, с. 177]. Реальная жизнь всегда противоречила желаниям и принципам Б.Л. Пастернака: «Жизнь, как она у меня сложилась, противоречит моим внутренним пружинам. Я это помню и знаю всегда и в нормальных условиях всегда этому противоречию радуюсь» [11, с. 385]. Сопrotивление принципов состоявшейся личности естественному ходу жизни дает чувство наслаждения.

Жизнь для писателя быстрая (Надпись на книге «Избранные переводы»: «Дорогой сестре Оле, с обычным у близких чувством нежности, вины и недоумения перед быстротой жизни» [11, с. 172]), мгновенная («Вечный этот мир весь начисто мгно-

венен (как в жизни только молния)» [11, с. 315]), занятая, подлая (Из письма К.О.М. Фрейденберг: «Браво, bravo, горячо тебя поздравляю. Это мог я тебе сказать уже ровно неделю, и только эта подлая жизнь виной тому, что я этого не сделал. Да и сейчас пишу, высуня язык» [11, с. 182]), глупая и странная («Как странно и глупо кроится жизнь!» [11, с. 300]).

Он видит и положительные стороны жизни. Жизнь красивая («Какая непередаваемая красота жизнь зимой в лесу, в мороз, когда есть дрова. Глаза разбегаются, это совершенное ослепленье» [11, с. 171]), щедрая, милостивая («...В каком непомерном долгу я перед жизнью, как щедр и милостива она ко мне!» [11, с. 217]), счастливая («...Я до безумия, неизобразимо счастлив открытою, широкою свободой отношений с жизнью...» [11, с. 246]), закономерная («Я оглядывал свою жизнь и не находил в ней ничего случайного, но одну внутреннюю закономерность, готовую повториться» [11, с. 266]). Жизнь для Б.Л. Пастернака свободная, живая, динамичная, удивительная: «Я <...> вновь поражен был шумом и оглушительностью свободы, ее живостью, движеньем, пестротой» [11, с. 178].

Б.Л. Пастернак был благодарен жизни за полученный опыт («...Есть у меня слух, какое-то глубокое, первично, извечно взволнованное внимание, с которым я ждал всю жизнь, с которым я вскрывал сотни конвертов, и столько встреч, как конверты, вскрыл я, и я ведь знаю жизнь, <...> да, так если бы тебе только рассказать, сколько протянутого мне ... вскрыто мною...» [11, с. 42]), за обретенную истинную любовь («Ты моя безусловность, ты, с головы до ног горячий, воплощенный замысел, как и я, ты – невероятная награда мне за рождение и блуждания, и веру в бога и обиды» [11, с. 316]), за прошлое («...Всему было свое время, и надо быть благодарным прошлому» [11, с. 495]).

Жизнь, по пониманию писателя, всегда сопровождается смертью, одно не существует без другого: «Я радовался, что при помещении в больницу попал в общую смертную кашу переполненного тяжелыми больными больничного коридора, ночью, и благодарил бога за то, что у него так подобрано соседство города за окном и света, и тени, и жизни, и смерти, и за то, что он сделал меня художником, чтобы любить все его формы и плакать над ними от торжества и ликования» [11, с. 266].

Жизнь человека коротка, поэтому главное для писателя быть в ответе за все сделанное: «Я не двинусь ни в жизни, ни в работе ни на шаг вперед, если об этом куске времени себе не отпарю. Обойти это препятствие, занявшись чем-нибудь другим, при всех моих склонностях и складе – значит обесценить наперед все, что мне осталось пережить. Я бы мог это сделать, только если бы знал,

что буду жить дважды. Тогда я до второй и более удобной жизни отложил бы эту ужасную и колючую задачу» [11, с. 113].

Чувство конечности, ограниченности жизни всегда сопровождало писателя: «...Чувство конца все чаще меня преследует, и оно исходит от самого решающего в моем случае, от наблюдений над моей работой» [11, с. 126]. С другой стороны, чувство духовной бесконечности также поражало Б.Л. Пастернака: «...Физическое ощущение бесконечности, коренящейся во всяком общем положении, так перевешивает у меня интерес к его содержанию, что я его изложеньем жертвую из какой-то внутренней зябкости, из страха озноба, который для меня неминуем на этом пустыре» [11, с. 141–142]. Он видел продолжение своей жизни в творчестве («...Я глубоко убежден, что искусство – это бессмертие жизни. Что то, чего не коснулось искусство, – умрет рано или поздно» [11, с. 534]), которое всегда рождается на основе какого-то страдания, беспокойства («Именно страдание человека есть коренной предмет искусства, есть сущность искусства, его неизбывная тема» [11, с. 548]) (мысль, высказанная философами).

Искусство для Б.Л. Пастернака – подобие жизни: «...Искусство <...> стояло за деревьями, страшно похожее на жизнь, и терпелось в ней за это сходство, как терпятся портреты жен и матерей в лабораториях ученых, посвященных естественной науке, то есть постепенной разгадке смерти» [10, с. 77]. Цель искусства – воспроизведение пережитого опыта, поиск правды.

Б.Л. Пастернак всегда дорожил своей жизнью: «Я страшно дорожу временем, ставшим твоим живым раствором, только разжигающим жажду. Я дорожу годом, жизнью, и боюсь нервничать, боюсь играть этим нечеловеческим добром» [11, с. 337]. Он считал, что за необдуманнми делами и поступками приходит расплата: «...Как планомерно и последовательно казнят жизнь за всякий поступок, сделанный без согласия с характером человека, т. е. за всякую нечаянность, оплошность, за все то, словом, за что может винить человека только мысль мистика. За недоразуменье» [11, с. 414].

Видение Б.Л. Пастернаком понятия «жизнь» отчасти совпадает с общепринятым. Жизнь трудно осознать, так как она сочетает в себе понятное и непонятное человеку. Ее сложно увидеть подлинной, нам мешают разглядеть настоящую жизнь различные чувства и идеи, охватывающие нас в данный момент. Но в минуты душевного напряжения человек способен вернуться к реальности. Страдание всегда сопровождает нас, человек упивается этим чувством из-за неудовлетворенности своим

образом существования. Одной из причин страдания является также понимание своей конечности. Творчество, воссоздавая опыт автора, является подобием жизни. Цель искусства – поиск правды. В этом выражается тенденция к странничеству.

В авторской концепции Б.Л. Пастернака жизнь неоднозначна: она позитивна (красивая, щедрая, милостивая, счастливая, закономерная, свободная, живая, динамичная, удивительная) и негативна (быстрая, мгновенная, занятая, подлая, глупая, странная). Жизнь наполнена страданием, которое сменяет на короткий период счастье. Человек должен прожить свою жизнь качественно, потому что жизнь быстротечна. За все жизненные погрешности придет, в конце концов, расплата. Поэтому человек в ответе за свои поступки. Ценностью для человека является семья, любимые люди. Человек должен принимать жизнь такой, какая она есть, и должен быть благодарен за данное ему. Жизнь и смерть не противоположные понятия, они дополняют друг друга. Физическая жизнь ограничена, но имеет свое продолжение в творчестве. Искусство – это воспроизведение жизни, обрамленной художественной формой.

Литература

1. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова / 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.
2. Мамардашвили М. Психологическая типология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени» / М. Мамардашвили. URL: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/mamardashvili-topology.htm>
3. Философские идеи С.Н. Булгакова. URL: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/filosofiya-bulgakova.html>
4. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев. М.: ООО Изд-во В. Шевчук, 2000.
5. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика / В.С. Соловьев. М.: Правда, 1989.
6. Анисимов С.Ф. Проблемы смысла жизни в религии и атеизме / С.Ф. Анисимов, Г.А. Гурев. М.: Знание, 1981.
7. Новая философская энциклопедия (Институт философии Российской академии Наук). URL: <http://iph.ras.ru/elib/2777.html>
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров / М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1979.
9. Пастернак Б. Сестра моя жизнь. URL: www.litmir.net/br/?b=1194228
10. Пастернак Б. Доктор Живаго. Автобиографическая проза. Избранные письма / Б. Пастернак. М.: Гудьял Пресс, 1998.
11. Переписка Бориса Пастернака / сост. Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернак. М.: Худож. лит., 1990.